

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Исследование лексико-семантической системы русского языка старшего периода связано со значительными затруднениями уже в силу того, что оно производится всегда — в большей или меньшей степени — через призму русского языка в его современном состоянии, поскольку определения семантики слов одновременно являются их переводом (мы не учитываем в данном случае энциклопедических толкований, которые объясняют устройство, внешние особенности и практическое назначение отдельной реалии¹). Известный субъективизм, индивидуальные языковые вкусы авторов в исследованиях такого рода почти неизбежны, так как этот субъективизм имеет своими корнями образ и способ мышления, в XX в. принципиально отличный от того, что был в XI—XIV вв.

Представляется, что некоторые объективные критерии изучения древнерусской семантической системы можно извлечь при анализе контекстуальных условий употребления слова. И как ни парадоксально, именно стилистика с ее репутацией неопределенной и расплывчатой области лингвистики может явиться надежным подспорьем в исследовании семантической структуры слова, так как в конкретных условиях текста осуществляется реализация значения. К конкретным условиям текста мы относим: а) жанровую принадлежность источника; б) речевую ситуацию цитаты (прямая и косвенная речь, отсылочный оборот, предмет изложения и т. д.); в) грамматическую конструкцию; г) семантическую взаимосвязь слов, влияющих на значение рассматриваемой лексемы.

В настоящей статье предпринята попытка семантического анализа с учетом стилистической специфики лексической группы, члены которой объединяются рядом общих для них значений: *земля — страна — власть — волость — область*²; при этом рассматривается главным образом выражение каждым словом отдельного значения, общего и для других слов указанной группы (поскольку выражение значения обусловлено непосредственной связью с понятиями и представлениями, лежащими в основе семантической структуры слова)³.

¹ В наиболее общем виде эти проблемы поставлены, в частности, в кн.: М. И. Стеблин-Каменский, Мир саги, Л., 1971, стр. 7. Более конкретно вопросы исторического мышления затрагиваются в кн.: Ф. П. Филин, Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, Л., 1949 («Уч. зап. [Ленинградск. пед. ин-та им. А. И. Герцена]», 80), стр. 204.

² О словоупотреблении и семантическом развитии этих слов см.: Ф. П. Филин, указ. соч., стр. 79—80, 118—121.

³ Материалом послужил язык оригинальных и переводных древнерусских памятников: «Чтение о Борисе и Глебе, написанное Нестором в конце XI в. по списку Сильвестровского сборника XIV в.» по кн.: И. И. Срезневский, Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века, СПб., 1860 (далее — ЧтБГ); «Сказание о Борисе и Глебе по Успенскому сборнику XII в.», в кн.: «Сборник XII в. Московского Успенского собора», I, под ред. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова, М., 1899 («Чтения ОИДР», кн. II) (СкБГ); «Сказание о Борисе и Глебе по списку Сильвестровского сборника XIV в.» по кн.: Д. И. Абрамович, Жития святых мучеников Бориса и

Сопоставление исследованного материала позволило выявить не только признаки, которые объединяют лексемы, но и признаки, по которым они размежевываются. По-видимому, как раз эти последние в значительной степени обеспечивают существование и использование слов, обладающих близкой или тождественной семантикой.

Общее значение существительных *земля* — *страна* — *власть* — *волость* — *область* определяется как «территория, находящаяся в чьем-либо владении». Семантическое тождество слов проявляется в нередкой их заменяемости в разных списках одного и того же памятника. Примеры: «Ярославъ прея вьсю *волость* Русьскую» (СкБГ 16б), ср. *землю* (С XIV, Ч XIV); «тогда же посла Всеволодъ ис Киева на Вячеслава река сѣдиши в Киевской *волости* [а] мнѣ достоить» (ЛЛ 103); ср. *области* (Р, А); «и суть (ковчег. — Н. М.) на горѣ Араратѣи и промежу Арменьския и Парфѣ-скыя *страны* и на Дьявиньѣи земли» (ГА 35в); ср. *земля* (S).

В древнерусском языке употребление этих существительных в данном значении не было строго регламентированным, одна и та же реалья могла называться по-разному. Известный интерес для лингвиста может представить мнение историка: «*Земли* — это древние области, образовавшиеся под руководством старых торговых городов Руси; земли: Киевская, Черниговская, Переяславская, Смоленская и др. *Волость* — это княжество — одно из тех княжеств, на которые, постоянно переделяясь, делилась Русская земля в потомстве Ярослава. *Область* имела то же значение. *Волость*, или *область*, иногда совпадали с землей, когда, например, целая земля составляла владение одного князя, но обыкновенно составляли только часть ее»⁴.

Социальный признак у слова *земля* проявляется главным образом при сочетании его с притяжательными местоимениями, когда эти последние в свою очередь по смыслу соотносятся с определенной народностью, населением страны, области, края, с отдельным лицом, под властью которого находится конкретная территория. Такое использование *земля* характерно для языка летописи, хотя оно фиксируется и в языке переводного источника, например: «си глѣтъ г(с)ѣ: избѣри себѣ, да будетъ ли ти. Г̃. лѣ(т) глადѣ въ *земли* твоеи, ли м(с)ѣ. Г̃. бѣгати предѣ врагы своими, ли. Г̃. дни смѣртъ въ *земли* твоеи» (ГА 85б); «рѣша Русь Чудь [и] Словѣни и Кривичи вся *земля* наша велика и обилна» (ЛЛ 5); «куда же ходяще путемъ по своимъ *землямъ* не дайте пакости дѣяти отрокомъ ни своимъ ни чюжимъ» (ЛЛ 80 об.); «умыслиша дерзнути на Половцѣ и пойти в *землю* ихъ» (ЛЛ 93); «Леонидии Лакедомоньскыи мало имѣя вои иде на персы а нѣкому рекшу како съ малымъ идеши на толику *землю*» (Пч 14 об.).

У существительного *земля* в этом употреблении можно выделить оттенок, определяемый как «родина». Этот оттенок обычно реализуется при сочетании *земля* с прилагательным от существительного *отѣць* или же с этим существительным в форме родительного принадлежности. Например: «батьство свое вдано ему въ Спани. в очи *земли*» (ГА 238а); «погыбнете сами и погубите *землю* оѣць своихъ» (ЛЛ 56 об.). С тем же оттенком может

Глеба и службы им, Пг., 1916 (С XIV); «Сказание об Борисе и Глебе по списку Чудова монастыря XIV в.», там же (Ч XIV); «Книги временныя и образныя Георгия Мпиха» по кн.: В. М. И с т р и н, Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, I — Текст, Пг., 1920 (ГА; сумма всех списков Хроники Георгия Амартола обозначается S); Академический список Лаврентьевской летописи XV в. (А); Радзивилловский список Лаврентьевской летописи XV в. (Р) и Лаврентьевская летопись 1377 г. по кн.: ПСРЛ, I, 1—2, М., 1961 (ЛЛ); «Пчела XIV в.» по кн.: В. С е м е н о в, Древнерусская пчела, Сб. ОРЯС, LIX, 4, 1893 (Пч.)

⁴ См.: В. О. К л ю ч е в с к и й, Соч., VI, М., 1959, стр. 134.

использоваться и сочетание *своя земля*. Особенно отчетливо указанный оттенок проявляется в контекстах, где наряду с сочетанием *своя земля* употребляется существительное *отчина* или существительное *отчьство*, например: «Батыи же почтивъ я ч(с̄)тью достоиню и отпутивъ я расудивъ имъ кождо в свою очину и приѣхаша с ч(с̄)тью на свою землю» (ЛЛ 165).

В то же время *земля* иногда по смыслу противопоставляется *отчьство*, ср.: «Иже по *землямъ* блудить, тьснется притечи къ *отчьству* своему» (Пч 7). В данном случае у слова *земля* проявляется оттенок «чужая страна, не своя», который обычно подчеркивается сочетанием с прилагательным *чужии*: «тѣхъ ради обрѣтохъ злая си, и се погыбаю въ *земли чужеи*» (ГА 130а); «аще бы Бъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чужимъ *землямъ*» (ЛЛ 68); «Некому плачущю, занѣ на чужей *земли* умираше, и рече» (Пч 129об). Антонимичность сочетаний *своя земля* — *чужая земля* создается за счет определений, имеющих противоположное значение. В некоторых же случаях можно говорить об оттенке «чужая страна» у существительного *земля*, исходя не из его сочетаемости и не из его противопоставленности тем или другим словам, но из общего содержания контекста, например: «много х(с̄)янъ изгублено бы (с̄) а друзии полонени и расточени по *земля(м)*» (ЛЛ 75 об.).

Оттенок «родина» реализуется у рассматриваемого слова в сочетании *Русьская земля*, причем в одном контексте с сочетанием *Русьская земля* употребляется и сочетание *наша земля*, и существительное *отчина* для обозначения одного объекта. Такое разное наименование одного объекта встречается обычно в составе прямой речи, где отражается тема защиты родины, патриотические мотивы. Например: «и не даша ему Кыяне побѣгнути но послаша Всеволожу и митрополита Николу к Володимеру глше моли(м)ся княже тобѣ и братама твоима не мозѣте погубити *Русьскыѣ земли* аще бо възмете рать межю собою погании имуть радоватися и возмутъ *землю нашу* иже бѣша стяжали оци ваши и дѣди ваши трудо(м) велики(м) храбрствомъ побарающа по *Русьскѣи земли*» (ЛЛ 88 об. — 89); «слыша великыи кня(з) Всеволодъ Гюргеви(ч) внукъ Володимеръ Мономаха оже Олговичи воую(т) с погаными *землю Рускую* и сжалиси о томъ и ре(ч) то ци тѣмъ очина однѣ(м) *Руская земля* а на(м) не очина ли» (ЛЛ 145 об.). Сочетание *Русьская земля* употребляется и в речи Святослава, ставшей афористической: «и ре(ч) Стославъ уже намъ нѣкамо ся дѣти волею и неволею стати противу да не посраимъ *землѣ Рускиѣ* но ляжемъ костыми [ту] мертвы ибо срама не имамъ» (ЛЛ 24 об., 971 г.).

Иногда сочетание *Русьская земля* соотносится с именем того или иного князя, — при этом усиливается социальный оттенок рассматриваемого слова. Примеры такого употребления представлены в языке как летописи, так и житийных памятников: «сущю самодрежцю всеи *русьскѣи земли* володимеру сну святославлю вьнуку же игореву» (Ск БГ 86 — в), «бы(с̄) бо ре(ч) кнѣз в тыи годы володы всею *землею рускою* именемъ владимертъ» (Чт БГ 6б); «(с̄)шна бы(с) цркви (...) при блгороднѣмъ князи Всеволодѣ державному *Русьскыя земля*» (ЛЛ 69 об.).

Усиление социального оттенка у *земля* наблюдается и в тех случаях, когда это слово (безотносительно к определению) употребляется в одном контексте со словами, соотносимыми с понятиями власти, господства, например: «аще бо *князи* правѣдиви бывають в *земли* то многа отдаются согрѣшенъя [земли] аще ли зли и лукави бывають то болше зло наводитъ Бъ на *землю* понеже то *глава* есть *земли*» (ЛЛ 48; то же — ЛЛ 129).

Сочетание *Русьская земля* отмечено и в метафорических конструкциях, например: «вы бо темъ и намъ оружие *земля русская* забрала и утверждение» (СкБГ 17а; ср. с сочетанием *земля наша*, употребленным в аналогич-

ной функции: «вы убо нбсьная чловѣка еста земельная аи҃гла стѣла и утвор-
жение *землѣ нашея*» — Ск БГ 17а) ⁵.

Социальный оттенок *земля* сохраняется и тогда, когда в функции определения выступают другие локальные прилагательные (*Гречьская, Болгарьская, Ромтиская, Лядьская, Ростовьская, Суждальская* и др.), например: «сама же отходивѣ до *грѣчьскы земля*» (СкБГ 23в); «и бы(с̄) радо(с̄) велика в Володимери градѣ видяще у собѣ великого князя всея *Ростовьскыя земля*» (ЛЛ 127 об.) ⁶.

Значение «территория, находящаяся в чьем-либо владении» в еще большей мере было свойственно слову *страна*: об этом свидетельствуют как более частотное использование его, так и большее многообразие сочетаний с определением (с прилагательными *различньми, мѣногыи*, указательными местоимениями *тѣ, съ, всѣ* и притяжательными местоимениями), например: «от *всѣхъ* бо *странъ* ту приходяще почърплють ицѣление» (СкБГ 17б — в); «ц(с)рѣь Дарии воя собравъ *различныхъ странъ*» (ГА 126а); «и да возвращаются съ сп(с̄)ниемъ в *страну* свою» (ЛЛ 12 об.); «Перфюрии еп(с̄)пъ исполнивсь срама и бещестья иде инѣмъ путе(м̄) в *страну* свою» (ЛЛ 137).

Страна обнаруживает известную тематическую прикрепленность: наиболее постоянно оно используется в текстах, где рассказывается о нашествиях и войнах (особенно в Хронике Георгия Амартола), например: «и събрахъ сребро и злато и батьство ц(с)рѣвь и *странъ* ихъ» (ГА 95б); «июда (...) побѣды многы створивъ Антиховы люди изгна от *страны* своя» (ГА 131а). Такое употребление тесно смыкается с контекстами, содержащими слова, соотносимые с понятиями власти, например: «хотяще бо оканьныи всю *страну* погубити и *владѣти* единъ» (о Святополке. — Н. М.) (ЧтБГ 12б); «Игорь же нача *княжити* въ Киевѣ мирь имѣя ко всѣмъ *странамъ*» (ЛЛ 14 об.). Приведенный пример из Чтения о Борисе и Глебе в этом же источнике в трансформированном виде имеет повторное употребление, при котором *страна* употребляется в форме мн. числа и приобретает оттенок «область», ср.: «на прочюю братью въздвизаше гонения хотя и вся изгубити и ти самъ единъ *владѣти* всѣми *странами*» (ЧтБГ 26б.).

Подобно *земля*, *страна* используется с оттенком «чужая страна, чужое государство», который подчеркивается при сочетании с прилагательным *чюжи*, например: «изгану ему сушию не токмо из града нъ изъ области всея избежавше же ему въ *страны чюжи* и тамо животь свои сконца» (ЧтБГ 27а). Выражение «въ страны чюжи и тамо животь свои сконца» является более или менее устойчивой формулой, принятой в древнерусском литературном языке и применяемой при описании ситуативно сходных обстоятельств. Ср. «и тамо нелѣпо уродьствьно житие въ *чюжеи стране* испроверже» (ГА 130б — в) (т. е. в приведенной формуле варьируются глаголы *сконца* — *исроверже* и существительные *животь* — *житие*).

Смысловой оттенок «чужая страна» реализуется иногда и вне сочетания с *чюжи*, что свойственно главным образом языку летописи, например: «они же рѣша разгнѣвася Бъ на оци наши и расточи ны по *странам* грѣхъ ра(д̄) наши(х̄)» (ЛЛ 27 об.); «грады ихъ разбиша и сами расточиша по

⁵ Мы не останавливаемся на вопросе о том, какая именно территория обозначалась сочетанием *Русьская земля*, тождественным по смыслу слову *Русь*. Сошлемся на высказывание Ф. П. Филина: «... каково бы ни было происхождение термина *Русь*, бесспорным является то, что в эпоху древнекиевской Руси это наименование имело двойственное значение: общее название древнерусской народности и территории и название собственно киевской области» (Ф. П. Ф и л и н, Образование языка восточных славян, М.— Л., 1962, стр. 292).

⁶ О социальном употреблении существительного *земля*, о тождественности терминов «Русская земля» и «Русское государство» см.: Б. Д. Г р е к о в, Киевская Русь, [Л.], 1953, стр. 285—286.

странам и работают в *страна(х)*» (ЛЛ 28 об.); «възложи сему Бѣ в ср(д)це въ *страну* ити онъ же устремися в Стую Гору» (ЛЛ 53). Оттенок «чуждая страна» у слова *страна* может возникать при его использовании в одном контексте с глаголом *расточити* (*расточати*).

Слово *страна* реже, чем *земля*, сочетается с локальными прилагательными, например, с определением *Русская* — всего в трех контекстах, два из которых относятся к языку летописи (договор 945 г.) и один — к языку Чтения о Борисе и Глебе. Пример: «яже суть написана на харатыи сеи хранити от Игоря и от всѣхъ боляръ и от всѣ(х) людии от *страны Руския*» (ЛЛ 14). Иногда сочетание с тем же локальным прилагательным имеет форму и ед. и мн. числа. Например: «тъ нынѣ старѣвѣся въ Индиистѣи *стране* в нищитѣ пребываетъ» (ГА 23а); «ему же утрняя *страны* индиискыя приближаютъ(с)» (ГА 117б).

Замечено, что в летописном тексте при передаче названия конкретной страны, государства в сочетании с локальным прилагательным обычно использовалось *земля*; напротив, в переводном источнике в той же функции *страна* употребляется примерно в два раза чаще, чем *земля*.

Языку древнерусских памятников было свойственно параллельное употребление слов *земля* и *страна* в одном контексте. Наблюдается несколько типов семантико-понятийных отношений этих существительных. Так, оба слова могут выражать тождественное значение «страна, государство»: «ту бѣ съшьлося отъ всеѣ русьскы *земль* и отъ инѣхъ *странъ*» (СкБГ 25б); «Киликесь же доставшыю ему *землю* наре(ч)ю Киликия въ свое имя кождо свою *страну* нарекоша» (ГА 22а). См. пример синонимического использования слов *земля* — *страна*: «его имене трепетаху вся *страны* и по всѣ(м) *земля(м)* изиде слу(х) его» (ЛЛ 97 об.). Данный оборот представляет собой устойчивую конструкцию, в составе которой могла изменяться грамматическая форма *земля* (вместо мн. числа — единственное): «сего имене токмо трепетаху вся *страны* и по всеи *земли* изиде слу(х) его» (ЛЛ 148 об.). Здесь семантическое тождество *земля* — *страна* нарушается: слово *страна* имеет значение «страна, государство», тогда как слово *земля* используется в значении «мир (населенный людьми)». См. соотношение этих существительных как обозначающих видовое и родовое понятия: «не нашему единому языку (...) тѣкъмо подано бысть бѣгъмъ нѣ и всеи *земли* спсние отъ всѣхъ бо *странъ* ту приходяще почърплють ицѣление» (СкБГ 176 — в).

Существительное *страна* параллельно употреблялось с другим семантически близким словом — *власть*, ср.: «множайшие въ нихъ по *странамъ* и *вѣстемъ* раздѣленомъ погнуги на позорищихъ оружьемъ и звѣрми» (ГА 169а). *Власть* обнаруживает большое сходство со словами *страна* и *земля*. *Власть* со значением «территория, находящаяся в чьем-либо владении» чаще использовалось в языке летописи, обычно сочетаясь с притяжательными местоимениями. Например: «многы же цркви созда по *власти* своей» (ЛЛ 148 об.); «снѣвцъ распусти своѣ кождо и(х) в свою *власть*» (ЛЛ 154 об.); «при томъ Антиосѣ плѣнена бы(с) Сурийская *власть*» (ГА 126г). В языке летописи также *власть* нередко конкретизируется названием города: «бѣ бо Рогъволодъ пришелъ и-заморья имяше *власть* свою в Полотъскѣ» (ЛЛ 23 об.); «шоими брата своего Василка к собѣ и буди ва(м) едина *власть* Перемышль» (ЛЛ 92 об.). Соотносясь с названием города, *власть* обозначало территорию более ограниченную, чем *земля* и *страна*, для которых такое соотношение не было свойственно. Значение *власть* в подобных случаях допустимо толковать как «власть, вотчина», что подразумевает некоторые существенные различия обозначаемых реалий в плане политико-административном.

Между словами *земля* и *власть* можно установить внешнее сходство по их сочетаемости с прилагательным *Русский*, хотя такое сочетание в целом

мало свойственно слову *власть*. В языке Лаврентьевской летописи зафиксировано два примера такого употребления *власть*: «и нача помышляти (Святополк. — Н. М.) яко избюю всю братью и прииму *власть* Русьскую единь» (ЛЛ 47 об.); «Всеволодъ же сѣде Кыевъ на столѣ ѿца своего и брата своего переима *власть* Русьскую всю» (ЛЛ 68 об.). Характерно, что сочетание *власть Русьская* используется в конструкции с глаголом *приятти* (*перяяти*), который как раз усиливает социальный оттенок этого существительного. По-видимому, в данном случае следует говорить о значении не отдельной лексемы *власть*, но сочетания *власть Русьская*, которое можно определить и как «Русская страна, государство», и как «господство, власть над Русской страной, государством».

От того, как определяется значение существительного *власть* — «страна, область» или «господство над страной, областью», иногда зависит смысл контекста. Пример: «нѣкыи Федоръ Мапсуитииского града въ Киликии *власть* уполучивъ» (ГА 197а). Этот пример допускает два толкования: 1) «нѣкыи Федоръ» достиг власти, господства во всей Киликии; 2) «нѣкыи Федоръ» получил лишь определенную область в Киликии (юго-восточной части Малой Азии). Из этого примера можно видеть, что для правильного толкования значения слова лингвистический анализ бывает недостаточным, значение в данном случае определяется и теми конкретными фактами, которые представляют собой предмет описания в источнике.

Возможность толкования слова *власть* в одном из двух значений следует отличать от употребления его в значении недифференцированном, когда оба значения реализуются одновременно. Само понятие господства, могущества тесно смыкалось с понятием обладания определенной территорией, и чем обширнее была территория, тем бóльшим могуществом обладал правитель. Недостаточно четкая семантическая дифференциация слова *власть* не только была обусловлена, таким образом, состоянием языка старшего периода, а также понятиями и представлениями, коренным образом отличающимися от современных, но в ряде случаев была связана и с конкретными социальными факторами. Употребление *власть* в недифференцированном значении отмечается прежде всего в языке оригинальных источников: «избюеть вся наслѣдники ѿца своего а самъ приметъ единь всю *власть*» (СкБГ 10в); «и вышедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ переа *власть* его» (ЛЛ 23 об.); «Въстави дьяволъ вражду (...) Стополка на Бориса и Глеба *власти* ради абы единому *власть* приятти» (ЛЛ 135 об.).

Власть в недифференцированном значении обычно используется в текстах, где прямо или косвенно говорится о преемственности княжения и где используется глагол *приятти* (*перяяти*). В летописи такое употребление встречается не только при описании фактов древнерусской действительности, но и при изложении библейских сюжетов, ср.: «и умре Моисии ту на горѣ и прия *власть* Исѣ Навгинъ» (ЛЛ 32 об.). Аналогичное выражение есть в Хронике Георгия Амартола, и можно думать, что здесь сказано именно влияние оригинальных древнерусских памятников: «По Моиси же приятъ *власть* Исѣ Наугинъ» (ГА 71в.) Таким образом, сближаясь семантически с существительными *земля* и *страна* в обозначении территории, *власть* всегда (или почти всегда) выступает с подчеркнутым социальным оттенком.

Полногласная форма *волость* отличается от неполногласной *власть* в первую очередь своим употреблением — *волость* встречается только в языке оригинальных источников, причем преимущественно в составе прямой речи, например: «грамоту напиши с правдою тои *волость* возмешь с добромъ» (ЛЛ 84); «бра(т) наю старѣишии Романъ уимаеть *волости* у наю» ЛЛ (131). По характеру использования *волость* в составе косвенной речи аналогична неполногласной форме. Так, в языке летописи много случаев,

когда *волость* соотносится и с названиями городов, и с названиями отдельных областей; в ряде примеров определением к *волость* является имя собственное в форме родительного принадлежности или притяжательное местоимение. Примеры: «и воротиша в Пересопницу в Вячеславию *волость*» (ЛЛ 108 об.); «тогда же съѣдъ роздая *волости дѣте(м)* своимъ Андрѣя посади Вышегородѣ а Бориса Туровѣ» (ЛЛ 115 об.); «Сѣославъ же умиривъ съ Ярославомъ иде на Олга и поуже *волость* его» (ЛЛ 123 об.); «Тое же зимы воеваша Литва Новгородскую *волость*» (ЛЛ 154). Существительное *волость* в форме ед. и мн. числа может соотноситься с названиями нескольких городов: «тебе хоче убити и зяяти *волость* твою Туровъ и Пинескъ и Берестие и Поборину» (ЛЛ 88 об.); «даша Изяславу Туровъ и Пинескъ и Мѣньску то бо бяшетъ его осталося передньиѣ *волости* его» (ЛЛ 100 об.).

Значение «чужая территория» в целом не свойственно словам *власть* и *волость*. Только в одном случае *волость* в сочетании с прилагательным *чужии* имеет значение «чужая область»: «и посла к нему Мъстиславъ соль свои из Новгорода глѣя иди ис Суждаля Мурому а в *чужей волости* не съѣди» (ЛЛ 85 об. — 86).

Волость, как это видно из его употребления, обычно обозначало менее обширную территорию, чем существительные *земля* и *страна*, к тому же территории, обладающую иными политико-административными характеристиками. Правда, в языке летописи отмечен пример сочетания *волость* с прилагательным *Кыевьскыи*, что характерно для существительного *земля*, ср.: «река съѣдиши в *Кыевьской волости* [а] мнѣ достойтъ» (ЛЛ 103). В другом случае *волость* (в форме ед. числа) параллельно используется в одном контексте с *земля* (в форме мн. числа), причем первое обозначает видовое понятие, а второе — родовое: «и хотѣша послати *по земля(ѣ)* головы и руки болярьскыѣ ино нѣкуда послати зане вся *волость* изъимана» (ЛЛ 170)

Семантическое различие между полногласной и неполногласной формами *волость* — *власть* состоит в том, что первая не имеет того подчеркнуто социального оттенка, который характерен для второй. Показательно, что встречающаяся в ранних списках форма *волость* заменяется в более поздних списках на *власть*: «а Ярославъ прея *волость* русьскую» (СкБГ 16б); в списках из Сильвестровского и Чудовского сборников XIV в. в тождественных контекстах используется *власть*. Аналогичная замена наблюдается и в Лаврентьевской летописи: «пойде Дѣдъ хотя переяти Василкову *волость*» (ЛЛ 89 об.); в Радзивилловском списке — *власть*. Интересно, что и в самом тексте Лаврентьевской летописи тождественные контексты с некоторыми вариантами грамматической конструкции могут содержать в одном случае форму *волость*, а в другом — *власть*, ср.: «бѣ бо Рогъволодъ пришелъ и-заморья имѣяше *власть* свою в Полотьскѣ» (ЛЛ 23 об.); «бѣ бо Роговолодъ перешель изъ заморья имѣяше *волость* свою Полтескъ» (ЛЛ 99 об.).

По отношению к *волость* неполногласным вариантом выступает и «церковно-славянское *область*, не имеющее себе морфологического соответствия в восточнославянской речи (слова *обволость* нет в древнерусском языке)...»⁷.

В значении «территория, находящаяся в чем-либо владении» слово *область* употребительно в основном в языке Чтения о Борисе и Глебе и в языке Хроники Георгия Амартола, например: «блѣжнии же борисъ много показа мл(с)рдие во *области* своей не точью же къ убогымъ нѣ и всимъ людемъ» (ЧтБГ 12а); «бѣша же вѣрнии кнѣзи изъ *области* своихъ и инии

⁷ Ф. П. Филин, Лексика ..., стр. 80.

мнози пришли изъ *области* своихъ дѣтескъ несуще» (ЧтБГ 446); «тогда же *области* тоя Амбросии етеръ обладаше» (ГА 2366).

Подобно рассмотренным выше существительным, *область* сочетается с локальными прилагательными *Ростовская*, *Суждальская*, что свойственно главным образом языку летописи, например: «бывше бо единою скудити в Ростовѣсти *области* встаста два волѣхва» (ЛЛ 59). *Область* и другие слова анализируемой лексико-семантической группы различаются грамматической сочетаемостью: при указании направленности действия первое употребляется обычно с предлогом *на* (особенно в языке Чтения), тогда как вторые используются с предлогом *въ*. В то же время *область*, как и *власть*, может использоваться в конструкции с глаголом *прияти*, ср.: «и положи руцѣ свои на Исѣ Навгина, да преиметь *область* его» (ГА 65а).

Семантическая близость *область* — *власть* подтверждается их заменяемостью и в переносном значении «удел, судьба», ср.: «и яко же Иоанъ Богословъ рече елико же ихъ приять дасть им *область* чадомъ Божиимъ быти» (СкБГ 186); в списке Сильвестровского сборника — *власть*. Это единственный случай употребления слова *область* в языке Сказания о Борисе и Глебе.

Различие между словами *власть* — *область* состоит в степени их использования в текстах отдельных памятников. Так, Сказание и Чтение одинаково можно отнести к произведениям агиографического жанра, однако именно в Чтении *область* встречается наиболее постоянно, а единственный случай его употребления в Сказании устранен в более позднем списке XIV в., где последовательно используется *власть*. В дальнейшем *власть* и *область* все более семантически размежевывались: в слове *область* все более укреплялось пространственно-территориальное значение; за *власть* сохранилось значение социальное.

Рассмотренная группа является лишь одним из звеньев, составляющих лексико-семантическую систему древнерусского языка. Каждая из таких лексико-семантических групп, эту систему составляющих, обладает своими особенностями, связанными как с тематической отнесенностью компонентов, так и с принадлежностью к тому или другому грамматическому классу. Стремясь показать, как одна такая группа реализуется в конкретном письменном источнике и какое влияние на реализацию оказывает характер контекста, мы сознавали, что в применении к древнерусской лексико-семантической системе в целом можно говорить об общности некоторых отдельных тенденций, имея в виду их индивидуальное проявление почти в любом случае.

В реализации значения слова основную роль играет его непосредственная сочетаемость. Значение определяемого находится в зависимости от определения, а значение определения в еще большей степени зависит от семантики определяемого. Если у слов рассмотренной группы значение «территория, находящаяся в чьем-либо владении» реализуется чаще всего в сочетаниях с определениями, выраженными притяжательными местоимениями и локальными прилагательными, то, например, у прилагательных *святыи*, *блаженни*, *богослѣпнии*, *благии* значение «непорочный, праведный» проявляется обычно в сочетаниях с одушевленными существительными и именами собственными (*святыи еп(с)пѣ*, *блѣжныи Борисъ* и т. д.). Роль семантики определяемого (существительного) как главного фактора в установлении семантики определения (прилагательного) может быть иллюстрирована примером, когда существительное имеет в одном случае прямое значение, а в другом — переносное: *зѣлыи*, определяя слово *путь* в прямом значении «дорога», толкуется как «неровный, каменистый»; при употреблении *путь* в переносном значении «жизнь», то же определение *зѣлыи* получает толкование

«греховный, порочный», ср.: «Коньную потребу обличает зѣлыи путь» (Пч 22об.); «Сими казньми казнить на(с) Бѣ (...) да негли встягнувшисея от пути своего злого» (ЛЛ 160об.—161). Сравнительно с существительными и прилагательными глагол по своим семантическим особенностям является наиболее назависимой частью речи. Формально легче всего поддаются семантической типизации сочетания глаголов с предлогами, позволяющими в некоторых случаях уточнить семантику глагола. Так, глаголы *dicendi речи, глаголати, вѣцати, бестѣовати* и др. в конструкциях с предлогом *къ* употребляются с оттенком «обратиться», ср.: «стѣя же рекоста къ нима» (СкБГ 23в); «Съ ц(с)ръ сы гѣше къ своей братии» (Пч 36об.); «аѣль бестѣова къ Данилу» (ГА 136б); «вѣца Саулъ къ иерѣю» (ГА 27в). Компоненты этой группы *молвити* и *глаголати* в сочетаниях с предлогом *на* имеют значение «наговаривать, хулить», ср.: «людие же на нь гѣху» (ГА 24в); «Мнози многажды молвятъ на ц(с)ря» (Пч 27об.).

Вместе с тем непосредственная сочетаемость не может быть признана абсолютным критерием в определении семантики слова. Например, *языкъ*, являющееся компонентом группы *языкъ, народъ, люди*, семантически близкой группе *власть, волость, земля...*, в сочетании с прилагательными, обозначающими национальную принадлежность (*Словѣньскъ языкъ Гречьскыи языкъ*) может толковаться и как «язык, наречие», и как «народность, племя». В таких случаях определение семантики может опираться на употребление в контексте слов, которые допускают семантическое сопоставление (по сходству или различию) с рассматриваемым словом, ср.: «бы(с) языкъ Словѣньскъ от племени Афетова» (ЛЛ 2об.) (в контексте используется семантически близкое *племя*). Аналогичный случай представлен при рассмотрении слова *земля*, которое с оттенком «родина» используется в одном контексте с *наша земля, отчина*. Особенно часто параллельное употребление прилагательных, обозначающих качественную оценку. *Святыи*, относясь к одушевленному существительному или имени собственному, соседствует с *блаженныи*, которые в свою очередь употребляются рядом с *благотѣрныи* и т. д., ср.: «прѣкы пакы възгражена бы(с) на томъ мѣстѣ во имя стю и блжною стр(с)пцю» (ЧтБГ 32б); «Преставися блговѣрныи [и] блжныи еп(с)пъ Лука» (ЛЛ 138). Семантически близкие слова, используя в одном контексте, могут и совпадать своими значениями, и различаться оттенками.

Слово, реализуя разные свои значения, может сопоставляться с другим тематически близким ему словом, как по признаку семантического сходства, так и семантического различия. Так, *земля* в анализированном значении употребляется в одном контексте с семантически близким *страна*; в значении «суша» оно же сопоставляется с *вода* и *море*, ср.: «не бѣше никому же весма по земли ни по морю безъ оружия проити» (ГА 44б); «како нбо устроено (...) и земля на вода(х) положена» (ЛЛ 79об.); та же *земля* как символ человеческого мира противопоставляется слову *небо*, символизирующему мир божественный, ср.: «яко бѣ на нбси выспръ и ты на земли низу» (ГА 191а).

Следует, однако, учитывать, что одна и та же лексическая сопоставимость иногда бывает представлена при употреблении слова в разных значениях. Например, *мужь* в одном контексте с *жена* употребляется и в значении «муж, супруг», и в значении «мужчина», поскольку в том же контексте *жена* может толковаться и как «женщина», и как «супруга, жена», ср.: «не тако жена желѣть по мужи ни оцъ по снѹ яко азъ по ва(с)» (Пч 94об.). В таких случаях определение значения интересующего слова зависит от смысла и содержания контекста. Именно содержание контекста позволяет выявить у *земля* оттенок «чужая страна», когда в кон-

тексте отсутствуют слова, с которыми *земля* может быть семантически сопоставлена. Сходное явление наблюдается и в группе глаголов *dicendi*: наиболее частотный компонент *речи*, конструируя диалог, обозначает речевой акт не только как «сказать», но и как «ответить», и как «спросить», ср.: «инѣхъ избиша и другыя извязаша и *рекоша* имъ много ли ваши(х) назади и *рѣша* мнози бу(т) и *ре(ѣ)* Володиславъ держи(м) колодники еѣ собѣ на смѣртъ» (ЛЛ 122об.). Здесь определение значений глагола зависит от характера вводимой реплики. Следовательно, семантический анализ требует порой выхода за границы собственно лингвистического исследования.

В изучении лексической системы дачный аспект представляется весьма важным, так как в источниках русского языка старшего периода содержание и—шире—тема нередко обуславливали выбор слов или реализацию их отдельных значений. Тематически обусловленное употребление характерно для *власть* с подчеркнутым социальным оттенком, когда данное слово используется в тех летописных текстах, где говорится о преемственности княжения; в значении же юридического термина «право, возможность» *власть* отмечается, как правило, в языке деловых документов, например: «И да не имѣють *власти* Русь зимовати въ вустѣи Днѣпра» (договор 945 г.) (ЛЛ 12об.). Употребление *человѣкъ* для обозначения конкретного лица не имеет жанровых ограничений, но в обобщенном значении «каждый, любой человек» это слово используется в текстах философско-религиозного содержания, где речь идет о назначении человека, о различных сторонах человеческого естества. Такое употребление особенно свойственно назидательно-афористическим текстам Пчелы, ср.: «и дѣша бес плоти не зоветь(с) *члѣвкъмъ* ни плоть бе(ѣ) дѣши» (Пч 18об.); «Ако коневи рязанье, псу бреханье (...) ихъ знаменье тако же *члѣву* слово» (Пч 46об.).

От характера контекста зависело использование таких лексических единиц, которые с большей или меньшей достоверностью можно отнести к средствам, свойственным разговорному языку. Такова, например, полногласная форма *воласть*, зафиксированная в составе прямой речи, глагол *молвити*, который также употребляется в прямой речи не только в оригинальных памятниках, но и переводных [примеры: «и *ре(ѣ)* има Янь что ва(м) бзи *молвятъ*» (ЛЛ 60); «Сь(...) *ре(ѣ)* языкъ твои иже добрѣ *молвити* учитися не хотѣ» (Пч 136об.)].

Таким образом, содержательно-тематический и стилевой факторы непосредственно или опосредованно выступают как своего рода регуляторы при реализациях древнерусской лексико-семантической системы. Материал письменных источников дает основание предполагать, что данная система, приспособленная к нуждам и потребностям литературного изложения старшего периода и одновременно отражавшая эти потребности, в дальнейшем развивалась в тенденции «раскрепощения» слова от контекста, который был связан с определенной темой и содержанием. Это «раскрепощение», возможно, не столько шло изнутри традиционных жанров, сколько осуществлялось под воздействием живой речи, находившей выражение в первую очередь в деловой письменности.